

Образ Шотландии в лирике М.Ю. Лермонтова

Евгений В. Никольский

*Институт современных гуманитарных исследований,
Москва, Россия, eugenius-08@yandex.com*

Елена В. Папилова

*Российский государственный университет нефти и газа (НИУ)
им. И.М. Губкина, Москва, Россия, lennoshka@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается образ Шотландии в лирике М.Ю. Лермонтова как особое поэтическое пространство, соединяющее личную родовую память, культурно-исторические ассоциации и романтический миф. Анализируются стихотворения «Гроб Оссиана» и «Желание», в которых Шотландия выступает не только землей предков поэта, но и символом духовной свободы, утраченного идеала и сакрального вдохновения. Обращение к шотландской тематике осмысливается как форма самоидентификации, как поиск поэтом внутреннего родства с героическим и поэтическим прошлым. Через мотивы туманов, холмов, замков предков, арфы и меча раскрывается романтическая топика «воображаемой родины», противопоставленной холодной и равнодушной России. Лермонтов воспринимает Шотландию не в этнографическом, а в экзистенциальном плане – как утраченный духовный центр, родину души, место, где возможны гармония и возрождение. В поэтическом воображении она становится символом «иного мира» и идеала, к которому стремится лирический герой, но который остается недостижимым. Тем самым образ Шотландии выполняет функцию культурно-мифологического конструкта и одновременно личного архетипа, отражающего трагическую раздвоенность поэта между реальностью и мечтой, между «своим» и «чужим».

Ключевые слова: Лермонтов, Шотландия, имагология, романтизм, Оссиан, родовая память, утопия, идентичность, сакрализация

Для цитирования: Никольский Е.В., Папилова Е.В. Образ Шотландии в лирике М.Ю. Лермонтова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 2. С. 62–71. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-2-62-71

The image of Scotland in Mikhail Lermontov's poetry

Evgenii V. Nikolskii

*Institute of Modern Humanitarian Researches,
Moscow, Russia, eugenius-08@yandex.com*

Elena V. Papilova

Gubkin University, Moscow, Russia, llenochka@mail.ru

Abstract. The article examines the image of Scotland in Mikhail Lermontov's poetry as a special poetic space that combines personal ancestral memory, cultural and historical associations, and a romantic myth. The poems "The Coffin of Ossian" and "Desire" are analyzed, where Scotland is not only the land of the poet's ancestors but also a symbol of spiritual freedom, a lost ideal, and a sacred inspiration. The focus on Scottish themes is interpreted as a form of self-identification and a search for inner kinship with the heroic and poetic past. Through the motifs of fog, hills, ancestral castles, the harp, and the sword, the romantic theme of the "imaginary homeland" is revealed, contrasting with the cold and indifferent Russia. Lermontov perceives Scotland not in an ethnographic sense, but in an existential one – as a lost spiritual center, the homeland of the soul, a place where harmony and rebirth are possible. In the poet's imagination, Scotland becomes a symbol of a "different world" and an ideal that the lyrical hero strives for but remains unattainable. Thus, the image of Scotland serves as a cultural and mythological construct, as well as a personal archetype that reflects the poet's tragic duality between reality and dreams, between "native" and "alien".

Keywords: Lermontov, Scotland, imagology, romanticism, Ossian, ancestral memory, utopia, identity, sacralization

For citation: Nikolskii, E.V. and Papilova, E.V. (2025), "The image of Scotland in Mikhail Lermontov's poetry", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, pp. 62–71, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-2-62-71

Наличие в родословной Лермонтова по отцовской линии шотландских корней – не легенда, а исторический факт, подкрепленный генеалогическими исследованиями [Ляпин 2014; Молчанова 2008]¹.

¹ См. также: Долгушин М.С., Воронкина Н.А. О шотландских корнях великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова // Молодежный вестник ИРГТУ. 2014. № 4; Панфилова С.А. Родословная Лермонтовых. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-vkl/lre464.htm> (дата обращения: 10.10.2025).

Об этом с самого детства знал и сам поэт. С этим связано и присутствие образа Шотландии (нечастое явление для русской литературы XIX в.) в его творчестве, главным образом – в поэзии. Таких произведений немного, но они довольно ярко выражают отношение поэта к этой его родине.

В поэтическом сознании Лермонтова Шотландия занимает место, гораздо более значительное, чем это может показаться на первый взгляд. Она выступает не просто как далекая земля предков, но как романтически окрашенное «утраченное отечество», наполненное мифологизированными смыслами. Это «воображаемое пространство» наделяется поэтом чертами идеализированной родины, в противоположность России, с которой он эмоционально и духовно конфликтует.

Как писал известный лермонтовед И. Андроников, воображение уносило поэта на Кавказ, «в Литву, Финляндию, Испанию, Италию, *Шотландию*, Грецию, в будущее и в прошлое» [Андроников 1964, с. 11]. Следует подчеркнуть, что упоминание Шотландии в поэзии Лермонтова возникает не из этнографического или географического интереса, а как отклик на внутреннюю потребность самоидентификации. Поэт ищет в шотландском прошлом объяснение собственной духовной инаковости и чувства чуждости по отношению к окружающей его российской действительности. В этом смысле Шотландия превращается в символ иного мира – родственного по крови, но недостижимого в реальности. Ее иконография строится на устойчивых романтических образах: туманы, холмы, древние руины, оружие предков, арфа барда, призрачные замки и, конечно, могилы предков. Все это подчинено задаче построения идеального прошлого, с которым можно установить глубокую эмоциональную связь.

В стихотворении «Гроб Оссиана» (1830) 16-летний поэт обращается к своему предшественнику по перу – легендарному шотландскому барду Оссиану, жившему, по преданию, в III в. Подзаголовок стихотворения, заключенный в скобки («узнав от путешественника описание сей могилы»), свидетельствует о том, что юный Лермонтов писал его, вдохновившись рассказом некоего путешественника, побывавшего на могиле Оссиана. Образ Шотландии в этом стихотворении соотносится с образом кельтского поэта и воина, чье творчество получило новую жизнь в эпоху романтизма благодаря публикациям Джеймса Макферсона². Уже сам выбор этого персонажа как объекта поэтического обращения

² Макферсон Дж. Поэмы Оссиана / под ред. Ю.Д. Левина. Л.: Наука, 1983. 589 с.

говорит о стремлении Лермонтова приобщиться к героической и поэтической традиции, где миф, эпос и природа сливаются в едином образе. Шотландия становится местом сакральным: не просто родиной, но прародиной поэтического слова, откуда лирический герой хотел бы «вторично жизнь свою занять». Здесь мы имеем дело с четко выраженной мифологемой «сакрального истока», которая в имагологии нередко служит оправданием творческой идентичности.

В первой строфе стихотворения Лермонтов рисует вполне конкретный образ Шотландии, с характерной для нее природой: горы, степи, влажный климат («занавеса тумана», «небо бурь»). Шотландию поэт называет «своей» («В горах Шотландии *моей*»), тем самым прямо заявляя о генетической связи с этой страной. Этот мотив повторяется в строке «*Родимым* ветром подышать», отражающей стремление поэта осязательно слиться с далекой родиной – дышать ее воздухом. Поэт внутренне стремится в Шотландию: «Летит к ней дух мой усыпленный». «Усыпленный» дух может свидетельствовать о некоей апатии, которую лирический герой надеется преодолеть в другой стране. При этом важную роль в этом, помимо природы, предстоит сыграть могиле Оссиана, которая должна дать новые силы жить и творить:

И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..³

В стихотворении «Желание» (1831) шотландская тема получает более детальное развитие. В нем акцент сдвигается с фигуры барда на родовую тему. Здесь Шотландия мыслится как земля предков, носителей рыцарской доблести и благородства. Автор использует сведения из родословной, в которой говорится о шотландском происхождении родоначальника фамилии Лермонтовых – Джорджа (Георга) Лермонтова (с. 621).

Лирический герой стихотворения сожалеет о том, что он не птица, не может быть свободным и парить в небесах. Это то, чего он желал бы, чем объясняется и название стихотворения. Путь лирического героя лежал бы на запад:

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля. (с. 368)

³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1964. С. 247. Далее издание цитируется с указанием страниц в круглых скобках.

В этом стихотворении образ Шотландии сочетает в себе как описание природы, так и – приближаясь к семейной легенде поэта – за́мка его предков. Природа Шотландии рисуется такими деталями, как цветущие поля, туманные горы, холмы. Но все это так далеко, что кажется лирическому герою недостижимым:

Меж мной и холмами *отчины* моей
Расстилаются волны морей.

Форма множественного числа «морей» подчеркивает дальность родины, что отделяет героя от его мечты.

Родовой замок поэта назван «пустым», а присутствие там когда-то предков обозначено исключительно их могилами («Их забвенный *покоится прах*»). Пустой замок, однако, хранит в себе память о своих хозяевах: в нем на древней стене висят «их наследственный *щит*» и «заржавленный *меч*». Эти атрибуты благородного рыцаря отражают гордость поэта своими предками. Он называет их «отважными бойцами», превознося их дело воинского служения отчизне, а себя – их «последним потомком». В лицеэзримые им щит и меч он жаждет вдохнуть новую жизнь:

Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом.

Отметим, что называние себя «последним потомком» можно принять как пророчество поэтом собственной судьбы: его линия прервалась, хотя другие ветви Лермонтовых продолжались.

Другой атрибут жизни предков – шотландская *арфа*. Лирический герой-птица хочет задеть крылом ее струны, чтобы «по сводам бы звук полетел». Этот звук – мост между настоящим и прошлым, он, зазвучав теперь так же, как звучал столетия назад, объединил бы поколения.

Замок, щит, меч, арфа – все эти реалии создают образ культурной преемственности, которую герой хочет восстановить. Важно отметить, что замок назван «пустым», предки – «забвенными», а щит и меч – «заржавленными». Эти эпитеты формируют мотив утраты, что типично для имагологических построений: страна предков – недоступна, ее память – почти стерта, но именно это побуждает героя к мечтаниям и усиливает его внутреннюю драму. Он ощущает себя последним звеном прерванной цепи, «последним потомком отважных бойцов», и в этом его трагизм – как личностный, так и культурный.

Завершается стихотворение возвращением лирического героя из романтических мечтаний в суровую реальность: он не может попасть на родину предков, так как их разделяет огромное расстояние:

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.

Судьба лирического героя – «увядать среди чуждых снегов». По-настоящему близким и родным лирическому герою оказывается далекая призрачная Шотландия, а не засыпанная снегом Россия. «Последний потомок отважных бойцов» вынужден увядать среди снегов, при этом осознавая, что душа его стремится на запад:

Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! Зачем я не ворон степной!..

Итак, Лермонтов зовет Шотландию «родиной», «отчизной», для него это утерянная, по-видимому, навсегда, родная сторона. Она дорога ему тем, что дает понимание собственных корней, а через это – и самого себя. Его душа стремится в эти далекие края в надежде обрести гармонию и силы. Ему кажется, что там – место, лучшее для него, там дух предков вселит в него новые надежды. Но оно остается недостижимым, а мечта о счастье – несбыточной.

Стилистически оба стихотворения подчинены романтической поэтике, в которой «чужая» земля часто наделяется чертами утопического пространства – прекрасного, но недостижимого. Шотландия у Лермонтова – это «воображаемая отчизна», олицетворяющая мечту об иной жизни, иной родине, и в то же время – мифологическая альтернатива существующему миру. Она служит пространством проекции поэтической идентичности, противопоставленной «чужим снегам» – метафоре России, не принимающей своего поэта.

Таким образом, образ Шотландии у Лермонтова раскрывается в двух измерениях: как личная родословная (историко-биографическая данность) и как культурно-мифологический конструкт, выполняющий функцию идеального «Иного». В этом и заключается имагологическая уникальность лермонтовской Шотландии: она не является ни чисто реалистическим пейзажем, ни простым фольклорным элементом. Это – символ внутренней оторванности, духовного изгнания, поиска утраченного смысла. Через Шотландию Лермонтов осмысляет не только свое происхождение, но и свое поэтическое призвание, свою душевную инаковость, свою неукорененность в отечественной почве.

В центре имагологического восприятия Шотландии у Лермонтова находится напряженное, глубоко прочувствованное противопоставление «своего» и «чужого». Это противопоставление не ограничивается географией или нацией – оно коренится в экзистенциальной раздвоенности поэта, который осознает себя духовно чуждым той стране, где родился. Шотландия, пусть далекая и недостижимая, становится в его поэтическом воображении не просто родиной предков, но истинной родиной духа, прародиной, с которой связана надежда на самопонимание, силу и творческое преобразование.

Шотландия в его стихах – это не просто дальняя страна, но пространство сакральной памяти и утраченной идентичности. Поэт прямо называет ее «своей»: «в горах Шотландии *моей*», подчеркивая тем самым не формальное, а сущностное родство. В воображении Лермонтова эта земля оживает в образах туманных холмов, ветров, замков предков, ржавого меча, щита на стене и древней арфы. Это пространство, где живут отзвуки героического прошлого, откуда доносится голос забытых поколений. Лермонтов, как лирический герой, стремится к этой земле не физически, а духовно. Его «усыпленный дух» летит туда в поисках возрождения, надежды, вдохновения. Шотландия – это земля, где он надеется «вторично жизнь свою занять», где могила Оссиана может пробудить поэта к новой жизни.

Россия, напротив, в его поэзии предстает как чуждое, отталкивающее пространство. Ее символом становится снег – холодный, мертвый, равнодушный. Здесь герой «увядает среди чуждых снегов», его мечты «тщетны», а душа чувствует себя изгнанной. Здесь – атмосфера не родная, а равнодушная, не вдохновляющая, а обессиливающая. Знаковым становится признание: «Я здесь был рожден, но нездешний душой...» – формула, выражающая глубокое чувство оторванности, духовного непринадлежания. Лермонтов живет в России, но не ощущает ее своей – в отличие от далекой, но близкой ему по духу Шотландии.

Такое возвышенное восприятие Шотландии проистекает не только из семейной памяти, но и из стремления поэта к гармонии, к соединению с предками, к утверждению собственной идентичности. Через образы Оссиана, рыцарских символов, арфы, замка он строит романтический миф о земле, где он мог бы обрести самого себя. Это не этнографическая Шотландия, а Шотландия мифическая, почти утопическая – пространство, где душа может обрести дом, вдохновение, силу, родство. Поэт стремится туда не из желания путешествия, а из тоски по внутренней правде. Эта земля воплощает ту жизнь, которая могла бы быть, но никогда не будет:

она по-прежнему отдалена «волнами морей», отделена «строгими законами судьбы», недостижима, но вечно желанна.

В этом трагическом контрасте между «своим» и «чужим» раскрывается суть лермонтовского имагологического переживания. Россия – страна рождения, но не родина духа; Шотландия – родина, но утерянная, призрачная, невозможная. Поэт обречен жить среди снега и молчания, но сердце его принадлежит ветрам и холмам далекой земли. Таким образом, Шотландия становится для Лермонтова не просто образом «чужой страны», а символом глубинной, истинной принадлежности, которой он лишен в реальной жизни. Через обращение к этому образу он не просто идеализирует прошлое – он ищет опору для своей духовной сущности, стремится обрести утраченный смысл, соединиться с истоком. Это и есть подлинная функция Шотландии в поэзии Лермонтова: быть не географией, а проекцией души, зеркалом ее стремлений, боли, гордости и одиночества.

Называние поэтом Шотландии «своей» подчеркивает ее восприятие не как экзотической страны, а как глубоко личного, родного пространства. Ее туманы, ветры, горы, древние замки, щиты и мечи предков, их забытые могилы – все это образует особый поэтический миф, в котором биографическая память сплетается с романтическим идеалом. Шотландия становится для Лермонтова сакральной территорией: ее земля – это земля героического прошлого, ее звук – это эхо родовой памяти, ее арфа – музыкальный голос той силы, что может вдохнуть жизнь в уставшую душу. Именно туда летит его «усыпленный дух» в надежде пробудиться, обновиться, «вторично жизнь свою занять». Поэтому Шотландия воспринимается с таким возвышенным романтическим настроением. В ней поэт ищет не просто предков, но корни своей духовной природы. Она для него – место гармонии и утерянного равновесия. Вдохновляясь легендами о барде Оссиане, он находит в шотландской мифологии не только родовую гордость, но и метафизическую надежду. Через этот образ он стремится приобщиться к великой традиции, к благородству, к воинской и поэтической силе, которой он лишен в своей повседневности. Шотландия для него – это пространство, где возможно целостное бытие, соединение с предками, с героическим прошлым и с самим собой.

Эта родина остается недостижимой. Между поэтом и ею – «волны морей», строгие законы судьбы, неодолимая дистанция. Именно потому шотландский образ наделен оттенком трагизма: он манит, вдохновляет, но одновременно и отталкивает своей недостижимостью. Это утопия, образ идеального мира, где душа могла бы обитать, но куда нет пути. Романтическая мечта разбивается о суровую

реальность, и поэт вынужден возвращаться в мир, который не принимает его и который он не может принять.

Таким образом, в поэзии Лермонтова Шотландия выполняет функцию символа «своего», истинного, глубинного, тогда как Россия – пространства «чужого», подавляющего. Имагологическое прочтение этих образов позволяет увидеть не просто географические ориентиры, но выражение внутренней драмы личности. Поэт ищет точку опоры в прошлом, в памяти, в духе предков, и именно это делает Шотландию столь значимой: она становится зеркалом его подлинной природы. Через нее он стремится обрести себя, понять свое место в мире, найти голос для собственной поэтической истины. Но одновременно этот путь – путь одиночества, безответной тоски и осознания трагической разорванности между желаемым и возможным.

Литература

- Андроников 1964 – Андроников И. Образ поэта // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1964. С. 5–18.
- Ляпин 2014 – Ляпин Д.А. Джордж Лермонт на русской службе в XVII в. (к ранней истории рода Лермонтовых) // История в подробностях. 2014. № 9 (51). С. 74–77.
- Молчанова 2008 – Молчанова Т., Лермонт Р. Лермонты – Лермонтовы: 1057–2007: Россия, Великобритания. М.: Логос, 2008. 91 с. (Россия & Великобритания)

References

- Andronikov, I. (1964), "The poet's image", in Lermontov, M.Yu, Collected works, vol. 1, Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR.
- Lyapin, D.A. (2014), "George Lermont in the Russian service in the 17th century (on the early history of the Lermontov family)", *Istoriya v podrobnostyakh*, vol. 51, no. 9, pp. 74–77.
- Molchanova, T. and Lermont, R. (2008), *Lermonty – Lermontovy 1057–2007: Rossiya, Velikobritaniya* [Lermonty – Lermontovy, 1057–2007: Russia, Great Britain], Logos, Moscow, Russia. (*Rossiya & Velikobritaniya*)

Информация об авторах

Евгений В. Никольский, доктор филологических наук, Институт современных гуманитарных исследований, Москва, Россия; 119361, Россия, Москва, ул. Озёрная, д. 19, корп. 1; eugenius-08@yandex.com

Елена В. Папилова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 65 корп. 1; llennochka@mail.ru

Information about the authors

Evgenii V. Nikolskii, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Modern Humanitarian Researches, Moscow, Russia; 19-1, Ozernaya St., Moscow, Russia, 119361; eugenius-08@yandex.com

Elena V. Papilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Gubkin University, Moscow, Russia; 65-1, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119991; llennochka@mail.ru